

А.А. Буевич (Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ НОВОЙ ИНТЕГРИРОВАННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ – ТЕОЛИНГВИСТИКИ

В современном языкознании неоднократно утверждалось, что адекватное изучение языка непременно должно осуществляться в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурной и духовной жизнью (А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, Н.Б. Мечковская, В.И. Постовалова, Ю.С. Степанов и др.). В связи с этим в науке о языке наблюдается тенденция к созданию новых интегрированных дисциплин, в рамках которых фундаментальные стороны бытия человека – сознание, культура, духовная деятельность – рассматриваются сквозь призму его национального языка. В русле указанной тенденции активно развиваются такие дисциплины, как лингвокультурология, юрислингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, психоллингвистика и др.

В настоящей статье речь пойдет о новой теолого-лингвистической дисциплине – теолингвистике, возникшей вследствие взаимодействия языка и религии и исследующей «проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [1, с.166].

Термин «теолингвистика» (theolinguistics) впервые появился в работах бельгийского лингвиста Жан-Пьера ван Ноппена¹ (Jean-Pier van Noppen), а в 1987 году всемирно известный английский лингвист Дэвид Кристал² (D. Crystal) включил его в свою знаменитую Кембриджскую энциклопедию (The Cambridge Encyclopedia of Language), а в издании 1995 года определил теолингвистику как дисциплину, изучающую «язык библеистов, теологов и прочих специалистов, занимающихся теорией религии, и язык практикующих верующих» [5, с. 412]. Сравнительно недавно термин «теолингвистика» начал входить в научный аппарат польского языкознания. В 2006 году во Вроцлаве вышел первый сборник научных трудов «Theolinguistica», в котором были опубликованы статьи Михаэля Тиля / Michael Thiele: «Речевые акты в проповеди» (Sprechakte beim Predigen), Альбрехта Гройле / Albrecht Greule: «Эмоции в сакральном языке» (Emotionen und Sakralsprache), Эльжбеты Кухарской-Дрейсс / Elżbieta Kucharska-Dreiß: «Человек и Бог в современной немецкой и польской проповеди (некоторые примеры)» (Mensch und Gott in deutschen und polnischen Predigten der Gegenwart (an ausgewählten Beispielen)), Александра Гадомского: «Теонема как языковая единица» (Teonem jako jednostka lingwistyczna) и др.

Под влиянием теоретических разработок польского языкознания активизировался интерес к проблемам теолингвистики в Украине (А.К.Гадомский), Сербии (К. Кончаревич), России (В.И. Постовалова, И.В. Бугаева, Е.В. Бобырева, О.А. Прохвятилова, В.А. Степаненко и др.) и других странах.

Так, по инициативе украинского филолога, автора многочисленных публикаций по теолингвистике А.К. Гадомского, с 2004 года в Таврическом национальном университете имени В.И. Вернадского на филологическом факультете преподаются спецкурсы

¹ Жан-Пьер ван Ноппен / Jean-Piere van Noppen (р.1946) – выдающийся бельгийский лингвист, лексикограф, профессор кафедры английского языкознания брюссельского университета Université Libre de Bruxelles, автор многочисленных работ на английском, французском и немецком языках в области лингвистики, в частности теолингвистики [www.vannoppen.eu].

² Дэвид Кристал / D. Crystal (р.1941) – заслуженный профессор лингвистики, член Мировой ассоциации учителей английского языка как второго языка, заслуженный вице-президент сообщества для издателей и читателей, член Университета лингвистов и Британской академии, основатель Научного сообщества Уэльса, автор ряда энциклопедий: The Cambridge Encyclopedia of Language (1987, 1997, 2010), The Cambridge Encyclopedia of the English Language (1995, 2003), The Cambridge Biographical Dictionary (2003), The New Penguin Encyclopedia (2003) и др. [http://en.wikipedia.org/wiki/David_Crystal].

и спецсеминар «Основы теолингвистики», а с 2008 года под редакцией Ч. Лапича и А.К. Гадомского выходит Хрестоматия теолингвистики (*Chrestomatia teolingwistyki*).

В России научная работа в области новой интегрированной дисциплины получает широкое развитие на кафедрах общего и русского языкознания, иностранных языков в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Воронеже, Иркутске, Екатеринбурге и др. В Институте Языкознания РАН под руководством доктора филологических наук В.И. Постоваловой формируется «Московская школа» теолингвистики, исследующая лингвистические аспекты православного мирозерцания и духовной практики, представленная в рамках философии имени и школы всеединства (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев).

Опираясь на существующие дефиниции этой дисциплины, представляется возможным определить её предмет, задачи и перспективы развития. На современном этапе своего становления теолингвистику можно определить как дисциплину, возникшую вследствие взаимодействия языка и религии и исследующую проявления религии, которые нашли свое отражение в языке. Следовательно, в качестве предмета теолингвистики мы предлагаем рассматривать религиозный (сакральный, литургический, молитвенный) язык, религиозный дискурс и религиозную коммуникацию, где понятие религиозной картины мира рассматривается как момент религиозного мирозерцания *homo religiosus*'а [3]. Таким образом, главной целью теолингвистики является изучение с помощью и на основе языковых средств проявлений религии, закреплённых в языке и отражающихся в религиозном дискурсе и религиозной картине мира. Данная цель определяет следующие задачи: 1) исследование этимологии и развития религиозной лексики; 2) комплексное изучение религиозной картины мира; 3) аналитическое описание мистико-аскетического и богословского опытов осмысления литургического языка в его сопоставлении с обыденным языком; 4) исследование духовно-религиозного кода культуры и его составляющих (религиозных символов, текстов, концептов и т.д.); 5) выбор, дифференциация, систематизация и рецензирование материалов и публикаций, связанных с религией и церковью (толкование слов и религиозных концептов, правильное употребление религиозных терминов, цитирование Священного Писания).

Для обозначения языковых средств, предназначенных для передачи религиозного содержания, А.К. Гадомским в научный оборот введен термин «теонема» – функциональная языковая единица теологического содержания, которая может быть «представлена в виде синтаксических, фразеологических, лексических, словообразовательных, морфологических, морфонологических, фонологических вариантов на соответствующих ярусах языковой системы» [2, с. 291]. Так, например, чередования в морфемах религиозного содержания *ц//ч, г//ж* (*отец – отче, Бог – Боже*) представляют теонему на морфонологическом уровне языка, а такие существительные, как *батюшки, боже, господи* оказываются задействованными в процессах переходности и авторами «Русской грамматики» относятся к непервообразным междометиям, что позволяет выделять теонему на морфонологическом уровне слова.

Поскольку теолингвистика — интегративная дисциплина, включающая в себя результаты исследования в лингвистике и теологии, то здесь, на наш взгляд, следует применять как лингвистические, так и теологические методы, способствующие наилучшему пониманию и объяснению взаимодействия языка и религии. Однако исследование религиозных концептов, как считает В.И. Постовалова и мы полностью с ней солидарны, следует осуществлять с помощью специального теоконцептологического анализа, позволяющего описать содержание религиозного концепта на духовно-мировоззренческом, культурно-историческом и лингво-семиотическом уровнях, проникнув, таким образом, в смысл «духовного космоса» того вероучения, которое яви-

лось источником для создания концептуальной системы определенного типа конфессионального мировоззрения.

Рассмотрение и разрешение различных языковедческих проблем с позиции теолингвистики с привлечением как лингвистических, так и теологических знаний, является, на наш взгляд, перспективным, так как с учетом новых открытий в различных областях знания позволяет по-новому взглянуть на язык, в котором, по словам П.А.Флоренского, «заложено объяснение бытия»[4, с. 143].

Литература

1. Гадомский, А.К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии / А.К. Гадомский // Культура народов Причерноморья. – 2004. – Т. 1. – № 49. – С. 164-166.
2. Гадомский, А.К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание / А.К. Гадомский // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». Том 20(59), №1. – 2007. – С. 287-292.
3. Постовалова, В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления / В.И. Постовалова // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2012, №4(12) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://md.islu.ru> – Дата доступа: 26.09.2013.
4. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли: IV. Мысль и язык Текст. / П.А. Флоренский // Христианство и культура. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – С. 102-340.
5. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – Cambridge University Press, 1995. – 829 p.

О.И. Валентинова (Российский университет дружбы народов)

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА «ВЫСОКОГО СЛОГА» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КЛЮЧ К МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМУ КОДУ ЯЗЫКА

Противостояние Ломоносова и Сумарокова закончилось жизненным поражением последнего и его же исторической победой. Логика развития русского литературного языка, который принято называть современным и основателем которого принято считать Пушкина, была задана эстетической и мировоззренческой позицией Сумарокова. Но прежде чем обсуждать то, что было приобретено этой исторической победой, нам хотелось бы понять, что с нею было утрачено.

Попробуем отвлечься от хорошо узнаваемого алгоритма мыслей, вроде *«Кодифицированные Ломоносовым три контекста, три стиля литературно-книжного языка не покрывали жанров переводной «европейской» литературы»* или *«Разграничение стилей в этой теории было не историческое, не этимологическое, а нормативно систематизирующее»* [1].

В заданном Ломоносовым различении трех слогов его самого - и как теоретика, и как литератора, и как человека – увлекал только слог высокий. Всецелое обращение к высокому слогу «Риторика» Ломоносова – зримое тому доказательство. Литература и жизнь нераздельно соединились в сознании русского человека XVIII века, как в сознании средневекового человека нераздельно соединились слово и поступок.

«У Ломоносова было две страсти: патриотизм и любовь к науке» (Святополк-Мирский 2008, с. 64). Жанры высокого слога стали единственно возможными формами тех переживаний, которые тревожили Ломоносова, а высокая интеллектуальная семантика церковнославянского языка – единственно возможным способом их словесного выражения. В такой модели мироощущения высокое было, скорее, величиной онтологической, неизменной, а не результатом субъективного отношения личности к чему бы то ни было. Так понимание «блага» или «зла» в богословском пространстве не есть результат субъективного - положительного или отрицательного – отношения автора к